

"...Нынче. Завтра — неизвестно!"

Все, собственно говоря, уже написано. Чего еще напишешь? Разве что, автопортрет. А — какой? Красивый или похожий? В нежном или в жестком возрасте? Рубен Ашрафиан и Алексей Окунь написали двойной автопортрет в интерьере совместной юности. Получился смачный такой артефакт — книжка "Вино, любовь и революция" ладно скроенного и крепко сшитого гибрида (как нынче говорят, андроида) Алексея Ашрафиана (в дальнейшем — АА).

Оный автор — типологический юный одесский романтик образца эпохи продвинутого застоя, конца 1970-х — начала 1980-х. Со всеми вытекающими отсюда (прежде всего, из бутылочного горлышка) пристрастиями и последствиями. АА интеллигентен, вдумчив, начитан, искренен, в меру пошловат, сердечно привязан к друзьям и подругам, однако внешне невозмутим, ироничен (самозабвенно играет в Печорина). Что до недюжинной эротической энергии, то вся она используется преимущественно в мирных целях, включая вкусное стихосложение, плотоядные стилизации, локальные карнавалы, застольные братские переключки и др. АА категорически аполитичен, как и положено хрестоматийному обывателю времен брежневского перманентно развитого социализма.

"Сидели, балагурили,
Играли в домино,
Швыряли недокуренные
Мысли за окно".

Впрочем, какой же наш АА асоциальный тип, ежели нет-нет, да и споткнется о некоего корявого неухоженного прощельгу — продукта жизнедеятельности благоденствующего "общества равных возможностей".

"Вы замечали, мимо дома
Ходит человек сутулый.
Пьет вино у гастронома
Без стеснения из дула.

Это Вася. "Вася, здравствуй!"
Отвечает Вася: "Здрасьте".
С Васей Нина развелася.
У него теперь несчастье.

Нет почти у Васи денег,
Только дыры на коленях.
Из друзей всего у Васи
Разве кот пятнистой масти.

Обижают Васю власти,
Нет на власти те напасти.
И у Васи было счастье,
Да разбилось на части..."

Нет уж, говорите, что хотите, а очень трогательный кадр этот АА, "оченно переживательный". Какая-то горечь во всех его самых как бы иронических и абсентистских строчках, какая-то болезненность, пусть даже несколько вялая и монотонная, наподобие хронического алкоголизма. Хотя на каждом перекрестке он то и дело декларирует разудало разухабистое молодечество, а то и не закамуфлированный цинизм.

"Когда моя страна не знает, как ей быть,
Когда на нас в поход пошли американцы,
Мы просим всех налить. Мы начинаем пить.
А через два часа мы всем объявим танцы".

Иной раз в ерничающем по поводу и без оного молодчике просыпается чуть ли не подлинный диссидент:

"Я устал от ваших грез.
Я устал от ваших фраз.
От того, что все всерьез.
От того, что все сейчас.

Я хотел бы поселиться
В стороне от ваших партий,
В государстве без столицы,
Не отмеченном на карте".

Но тотчас же и задремывает, засыпает сном праведника, чтобы все-таки привычно грезить в том же ироническом ключе с многочисленными дулями в многочисленных карманах:

"Я тоже советский, такой же, как вы,
Товарищи в первых рядах при оружье.
И Леня соседский — он тоже советский,
Хотя не поднимет от карт головы,
Хотя он и хуже расхожей молвы,
Хотя никому и задаром не нужен,
Он тоже советский, такой же как вы,
Товарищи в первых рядах при оружье..."

Это, кстати, рифмовалось четверть века тому, а, стало быть, наши соавторы понятия не имели о (пост-) советских ретроспективных культурологических экспериментах какого-нибудь Тимура Кибирова. И все же на поверку сделали то же и ничуть не хуже. Просто не раскрученный этот наш АА и живет в провинции. У моря.

"Милая, купи лимон,
Сделай мужу кисленько.
Уж возрадуется он,
С обожаньем висельника.

Станет обнимать тебя,
Называть любимой.
Милая, за два рубля.
Ну, за рупь с полтиною!

Милая, куда же ты?
Ну, чего ты пятишься?
Вот бумажные цветы
На бумажном платъице.

Вот рубашка — ночевать,
Вот духи — душиться,
Вот — двупальная кровать,
Может пригодиться!.."

Как остро и бесхитростно, как надрывно и вместе бесшабашно этот АА умеет любить! Много ли надо умения или неумения, когда на тебе отроду тонкая, чтоб не сказать шагреновая, кожа.

"Она пришла, как камень бросила.
Рябая вся, простоволосая.

Задев косяк,
Вошла, качнувшись, на порог.
Ругнулась так,
Что я опомниться не мог.

Она стояла, зубы скалила.
Рот танцевал, плясала талия.

А я мычал,
А я не знал, что говорить.
Я руки жал
И вяло пробовал шутить.

Но было небо синим-синее,
И было солнце желтым-желтое.
Она сказала: "Унеси меня".
И я понес, давясь заколками..."

Мы выросли под гастрономами. (А ведь неплохая, черт возьми, первая строчка для стишка у меня нечаянно получилась!) Мы радовались жизни в парадных и подворотнях, в пирожковых, пельменных, блинных, диет-столовках и прочих "Капустняках", в обстановке выдающихся возлияний и неудобств, по которым теперь так отчаянно ностальгируем (см. мой текст о книжке Жени Новицкого-Шенкера "Триумф апогея" в "Ор Саме-ах" от 15 августа 2001 года). В этих откровениях нет ничего принципиально нового и оригинального. Кроме одного единственного. Это наши юношеские автопортреты. Понимаете, НАШИ. У вас и свои имеются. Собст-

венные. Эксклюзивные, так сказать, ненадеванные. Покуда — потенциально. Осталось всего ничего: обналечить и возрадоваться!

"Потешить себя южнорусской сагой
На старости лет приятно.
Время, когда я передвигался с ватагой,
Кончилось безвозвратно.

.....
Ибо время, когда прикасаться к моей
Коже было приятно,
Прошло, как очередь сквозь мавзолей,
И кануло безвозвратно".

В юности(!) меня однажды поразило лаконичное четверостишие полузабытого ныне флорентийца Лоренцо Медичи, прозванного Великолепным и покинувшего этот мир в год открытия Америки в возрасте неполных 43-х лет:

"Юность, юность, ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь.
Счастья хочешь, счастлив будь —
Нынче. Завтра — неизвестно!"

И то правда. Как принято говорить, есть что вспомнить. Если, конечно, есть что. Вероятно, для составления солидного корпуса подобных мемуарий надо своевременно прилагать усилия. "Ибо время..." (см. выше) катастрофического скепсиса занимает куда большую часть жизни, нежели та, о которой мы так легковесно только что рассуждали.

Бывает, томимся с Рубиком в приличном (накрученном) заведении за бокалом чего-нибудь чересчур добропорядочного (а это уже никак не метафорический юношеский букет пива, водки и "портьюши"), и он с саркастической усмешкой затягивает давешнее:

"На столе все то же,
За столом все те же,
Был бы я моложе,
Может, пил бы реже.

Только мне моложе
Быть, увы, не светит...
Дал бы всем по роже,
Но, боюсь, ответят..."

Молча допиваем какой-нибудь "Джек Дэниэл", мартини с джином или бенедиктин и четким строевым шагом направляемся в самую захудалую винарку. Наверное — юность искать...